

УДК 167.7

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-3-38-48

А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru

АБСТРАКЦИИ И ИДЕАЛИЗАЦИИ В НОРМАТИВНЫХ МОДЕЛЯХ

Рассмотрены особенности использования философских техник абстракции и идеализации при создании нормативных теоретических моделей. Показаны трудности, связанные с различием абстракций идеализаций в научном познании, а также их общие функциональные черты, главной из которых является представление исследуемого объекта в виде, который бы отвечал целям и задачам исследования. Продемонстрирована популярность использования идеальных нормативных теорий в социальном познании, а также проблемы, вызывающие критику идеальных теорий с различных позиций. Сделан вывод о необходимости усиления таких нормативных моделей с помощью выделения эвристически «хороших» и «плохих» идеализаций в рамках общей идеальной теории, а также встраивания в них способов перехода от идеальной теоретической модели к такой, которая бы позволяла использование полученных результатов на практике.

Ключевые слова: нормативная модель, идеальная теория, идеальный тип, абстракция, идеализация, социальные теории.

Создание теоретических моделей – важная часть научного исследования, в ходе которого возникает немало философских проблем. Целью создания моделей является то или иное представление изучаемых процессов или явлений, при этом степень соответствия модели реальности может быть очень разной. Хотя обычно считается, что желаемая репрезентация должна соответствовать идеалам полноты, простоты и точности, в действительности при конструировании моделей в них либо сознательно упускают из виду какие-то второстепенные для исследователя стороны моделируемого феномена, либо намеренно вносят искажения. Такие неполные соответствия моделей

изучаемой реальности объясняются как разного рода ресурсными ограничениями (например, ограничениями на вычислительные мощности), так и конкретной задачей, стоящей перед исследователем, необходимостью переноса фокуса на тот или иной аспект изучаемого явления.

Чаще всего для этого используются философские техники абстракции и идеализации. Необходимо отметить, что эти приемы используются как в дескриптивных, так и нормативных моделях. Вообще говоря, их использование вынужденно, в науке нельзя обойтись без абстракций и идеализаций, поскольку в принципе невозможно дать полное описание мира во всем его фактическом многообразии и во всей полноте отношений. Создание нормативной теоретической модели можно описать следующим образом: «Как и в любом исследовании, сначала – на основе имеющихся в науке теоретических положений и конкретных данных – формулируется гипотеза, подлежащая проверке. В соответствии с ней строится некоторая идеальная модель, которая соответствует высказанной гипотезе. Такая модель обычно выступает как нормативная, или прескриптивная. В ней отображается не то, что на самом деле происходит, когда разворачивается какой-либо процесс, а то, что должно было бы происходить, если принимаются некоторые исходные (гипотетические) положения, при этом нормативная модель относится к некоторому идеализированному объекту: она «очищена» от частных» [Ломов, 1981. С. 8].

В приведенной цитате автор пишет о математических моделях, мы же в данной статье в качестве полноценных нормативных моделей будем рассматривать теоретические модели, используемые в социальном познании. В этом случае используемые идеализации приобретают важный дополнительный аспект – рассмотрение социального объекта в нормативно-должном качестве, таким, каким он «должен быть», при гипотетическом выполнении ряда условий, предполагает не слишком сильное отдаление от реальности и хотя бы теоретическую возможность перехода от имеющегося состояния к нормативно-должному. В приведенной выше цитате уже содержится и некоторая неясность: характеристикой идеализированного объекта полагается «очищение от частных», хотя такое очищение обычно считается ключевой характеристикой другой мыслительной операции – абстрагирования. Возможность различения идеализаций и абстракций не всегда очевидна и часто является предметом споров, о чем речь пойдет ниже.

Если все же настаивать на различении этих двух философских техник – абстракции и идеализации – применительно к построе-

нию моделей, то абстракцию можно рассматривать как вид опущения или упущения, в том время как идеализация будет представлять собой намеренную ложь. Однако, согласно Н. Картрайт, опущение и намеренное искажение не всегда различимы, по ее мнению, современные философы науки «идеализацию» используют как зонтик для обоих терминов [Cartwright, 2002. P. 187]. Объединяет операции абстракции и идеализации то, что обе техники представляют собой способы добиться такой репрезентации реальности, которая бы лучше всего соответствовала целям и задачам исследования. Проблема с различием между абстракцией и идеализацией состоит и в том, что идеализация тоже имеет дело с упрощением. В теоретических моделях цель такого упрощения – более легкое для понимания представление исследуемого феномена или процесса.

Как и идеализация, абстракция представляет собой мыслительную операцию, в ходе которой мы мысленно избавляемся от того, что в данный момент не имеет значения, или же переносим фокус на какие-то свойства либо группы свойств, «как если бы они существовали отдельно» [Ibid.]. Такая модель, по мнению Н. Картрайт, особенно математическая модель такого абстрактного феномена, может позволить выявить наиболее существенные для данного феномена причинные связи.

В литературе интерес к использованию идеализаций в научном познании проявился вновь с начала 1980-х гг., в частности, благодаря работам Н. Картрайт, Л. Новака и ряда других философов. В общем виде идеализация – форма представления (репрезентации) действительности в более совершенном виде, чем она есть на самом деле. В научном исследовании выделяют разные типы идеализаций и соответственно искажений, которые определяются целями и задачами научного исследования. Среди наиболее распространенных следует упомянуть «галилееву», минималистскую и многомодельную [Weisberg, 2007].

В идеализациях по Галилею в модель вносятся намеренные искажения. Для этого, например, биологические системы могут рассматриваться так, как будто они существуют изолированно от других систем, скорости могут полагаться бесконечными, субъекты полностью рациональными, а рынки совершенно равновесными. Иногда такие «галилеевы» идеализации называют искаженными моделями. В качестве примера можно привести движение тел в среде, в которой отсутствует сопротивление. Цель такого приема – достижение общего понимания изучаемого процесса или явления, после чего исследователь последовательно устраняет введенные ранее ограничения. Тако-

го рода идеализации используются, например, с целью преодоления существующих ограничений на проведение эксперимента. В теоретическом исследовании с помощью идеализаций мы делаем проблему более легкой для рассмотрения, а затем постепенно устраняем внешние искажения. Чертами «галилеевской» идеализации, таким образом, являются ее прагматизм, например, экономия ресурсов, необходимых для моделирования, а также ее временный, промежуточный характер. Предполагается, что эта идеализация с искажениями будет использоваться лишь в качестве временной модели, а в будущем она подвергнется де-идеализации, что позволит создать более точное представление об исследуемом объекте.

Минималистская идеализация – это практика создания таких моделей, которые содержат лишь ключевые факторы, влияющие на возникновение феномена или определяющие его существенные черты. К таковым могут относиться, например, причинно-следственные связи, в которых состоит исследуемый объект. Различие между идеализацией «галилеевой» и минималистской состоит в том, что использование последней не всегда объясняется прагматистскими мотивами, и, в отличие от первой, вряд ли можно ожидать уменьшения ее использования по мере научного прогресса, т. е. преодоления вычислительных или каких-то других ограничений на исследование. Многомодельные идеализации предполагают создание связанных, но несовместимых моделей, содержащих отличные друг от друга утверждения относительно природы объекта или его каузальных связей [Weisberg, 2007].

Использование абстракций и идеализаций в социальных теориях имеет свою специфику. Прагматическими факторами, вызывающими к жизни использование этих приемов, служат уже не только ресурсные ограничения, но и необходимость преодоления разного рода предварительных допущений, касающихся как человеческой природы, так и организации общества. В качестве промежуточного примера дисциплин, имеющих черты как точных, так и социальных наук, обратимся к лингвистике и экономике.

Так, Л. Новак оценил использование идеализаций на раннем этапе исследований Н. Хомского настолько высоко, что даже назвал это «идеализационным поворотом» в лингвистике, в результате которого она превратилась в зрелую науку. До этого лингвисты занимались в основном сбором данных и описанием отдельных языков. Хомский же начал работать с идеализированными нормативными моделями языка. Полемизируя с представителями дескриптивной лингвистики, Н. Хомский так объясняет необходимость использования идеализа-

ций в лингвистике: «Лингвистическая теория имеет дело в первую очередь с идеальным говорящим-слушающим, существующим в совершенно однородной речевой общности, который знает свой язык в совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употреблении [1972. С. 9]. Такое определение «идеальной теории» практически не отличается от ее понимания в современных, «пост-рользовских» социально-политических исследованиях последних десятилетий.

Экономист М. Фридман рассматривает любую гипотезу или теорию, в том числе экономическую, как состоящую из двух частей: «...во-первых, концептуального мира или абстрактной модели, более простой, чем “реальный мир”, и включающей только те силы, важность которых утверждает гипотеза; во-вторых, набора правил, определяющих класс явлений, для которых “модель” может быть использована как адекватное воспроизведение “реального мира” и специфицирующих соответствие между переменными или объектами в модели и наблюдаемыми явлениями» [1994. С. 36–37].

Конечно, «идеализационный поворот» в качестве общего термина по справедливости нужно использовать по отношению к исследованиям М. Вебера. Он, как известно, ввел понятие «идеального типа» – методологического средства социально-исторического исследования. Его стремление различить «историю» и «теорию» вполне соответствует различению между дескриптивным и нормативным. Идеальные типы он уподобляет идеализированным объектам в физике. «Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем дальше они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение» [1990. С. 623–624]. Идеальные типы Вебера так же, как и идеализации в современных философских социальных концепциях, например, «идеальных» теориях справедливости, служат не столько объектом исследования, сколько эталоном, некоторым конечным списком условий, при существовании которых такие идеальные типы, как «экономический обмен», «капитализм», «церковь», «справедливость» становятся доступными пониманию. Идеальные типы у Вебера, как и идеализации в современных «идеальных» теориях, выступают прежде всего не как предмет, а как инструмент познания.

В современной философской практике использование абстрактных и идеализаций при создании нормативных моделей социаль-

ной реальности распространено чрезвычайно широко. Во введении к «Теории справедливости» Дж. Ролз так формулирует цель своего исследования: «...представить концепцию справедливости, которая обобщает и возводит на более высокий уровень абстракции традиционную концепцию общественного договора» [1995. С. 19]. Кроме того, он предлагает обоснование использования идеальной теории: «Причина, по которой следует начинать с идеальной теории, заключается в том, что она дает, я полагаю, единственное основание для систематического осмысления этих более неотложных проблем... Я полагаю, что более глубокое понимание может быть достигнуто именно в этих рамках, и что природа и цели совершенно справедливого общества являются фундаментальной частью теории справедливости» [Там же. С. 24]. В более поздней работе «Политический либерализм» Ролз обращает внимание на то, что абстракция используется «не ради абстракции», а выполняет важную роль – моделирования публичного обсуждения насущных проблем, при этом чем сильнее разногласия, тем более высокий уровень абстракции необходим, чтобы добраться до существа вопроса. Такую методологию он считает фундаментально важной для нахождения разумной политической концепции справедливости [Rawls, 1993. P. 45–46].

Ближайшие оппоненты Дж. Ролза – Р. Нозик и Р. Дворкин – также широко используют абстракции и идеализации. У Нозика это в первую очередь абстракции минимального государства и свободного рынка, у Дворкина – модель аукциона на некотором воображаемом острове, в ходе которого происходит идеальное распределение ресурсов. Важно то, что все эти авторы считают, что понимание того, как работают такие идеализированные модели («исходного положения», «минимального государства» и «аукциона»), имеет значение для оценки и совершенствования распределительных практик, существующих в нашем реальном обществе.

Отдельно имеет смысл рассмотреть попытку сохранить различие абстракций и идеализаций в «идеальных» социальных теориях, сделав такое различие основой методологической критики «идеальных» теорий общественного устройства. Такая критика не вполне обычна, как правило, либеральные «идеальные» теории критикуют совсем с других позиций – коммунитаристских, феминистских и т. д. Так, в своих работах Онора О'Нил настаивает на различии абстракций и идеализаций и выдвигает методологический лозунг «абстракции без идеализаций», возлагая именно на идеализации вину за различные недостатки «идеальных» теорий, в частности за предвзятое отношение к отдельным группам или стратам. Критика заключается

в указании на то, что социальный контекст включает разного рода переменные и иерархии – расовые, классовые, гендерные и пр. Люди обретают свою субъектность именно в этом переплетении, и опасность идеализаций в том, что теории, которые не будут включать эти факторы, могут неумышленно сыграть на руку различным репрессивным идеологиям.

Таким образом, по ее мнению, главное зло представляют собой именно идеализации, которые вносят существенные искажения в нормативные модели социальной действительности. Причем, как уже было замечено выше, это происходит не по недомыслию исследователя, а в силу сущностной природы идеализаций. Такие идеализации, как субъектность, рациональность, независимость, представляют опасность. Однако О'Нил полагает, что подобные идеализации не являются существенной частью абстракций, которые вполне могут существовать и использоваться в социальной теории без опоры на какие-либо нормативные идеалы.

Особенно страдает контекст там, где процессы абстрагирования сопровождаются идеализацией [O'Neill, 1997. P. 39–44]. По мнению автора, упреки философов в абстрактности их социально-политических концепций неправомерны, так как абстрагирование является необходимым предварительным условием и для логических операций, и для рассуждения в целом. По ее мнению, не следует смешивать абстракции и идеализации. Абстракции неопасны и неизбежны. Мы прибегаем к ним всегда, когда, например, относимся к человеку, «вынося за скобки», некоторые предикаты, несущественные для этого отношения. Кроме того, «все нормативные принципы и стандарты, включая принципы справедливости» всегда, неизбежно и должным образом абстрактны [O'Neill, 2016. P. 67]. Такое (неизбежное) абстрагирование, по ее мнению, вовсе не является отличительной чертой кантианцев, а существенной характеристикой любого нормативного рассуждения. Недостаток идеализации заключается в том, что, в отличие от «вынесения за скобки» определенных предикатов, она утверждает наличие или отсутствие этих предикатов. Когда такое случается, наше рассуждение может основываться на ложном идеализированном понимании мышления и действия, личностей и ситуаций [Ibid. P. 68]. Конечно, сразу обращает на себя внимание тот факт, что четких правил создания «допустимых» абстракций нет и не вполне понятно, как это делать корректно с точки зрения методологии. Кроме того, абстрагирование может оказаться невозможным без использования определенных идеализирующих допущений.

Любопытно, что О'Нил считает неверным использовать идеализирующие допущения даже в такой ситуации. как проверка на универсализируемость максим категорического императива. Так, по ее мнению, было бы неправильно оценивать максимы поступков, скрываясь за «занавесом неведения». Вместо этого максимы нашего поведения должны мыслиться нами как законы для нашего несовершенного мира, а не идеализированных субъектов (полностью рациональных, информированных, сознательных, независтливых и т. д.).

Представляется, что такой подход очень трудно выдержать в реальной исследовательской работе. Уже упомянуты трудности различения абстракций и идеализаций. В ходе конкретного рассуждения довольно трудно провести различие между «вынесением за скобки» и утверждением о несуществовании некоторого предиката. Для примера можно вспомнить хотя бы исходное положение Дж. Ролза и его описание рациональных индивидов, в частности, как «не страдающих от зависти». Вряд ли можно уверенно утверждать, имеем ли мы дело с вынесением за скобки некоторых предикатов или утверждением об их наличии или отсутствии.

Более перспективным кажется другой подход, дающий шанс защитить «идеальные теории» социального от критики. Первая его часть состоит в том, чтобы усилить «реалистичность» идеальной теории. Используя ролзовское понимание политической философии как «реалистичной утопии», можно сказать, что требуется перенос акцента на первый компонент. Такая смена фокуса предположительно позволит уйти от схоластического (в данном контексте) обсуждения различий между абстракциями и идеализациями и сосредоточиться на возможных путях транзита от идеальной теории к не-идеальной. Такая работа могла бы стать ответом на реальную озабоченность критиков идеальной теории, которых в первую очередь беспокоит то, что приписывание или устранение некоторых предикатов в ходе создания отдельных идеализаций может блокировать те благородные цели, ради которых и создается идеальная теория. «В общем виде проблема заключается не в том, что идеализации неприемлемы на уровне идеального, а в том, что мы должны знать, что делать с идеализацией при переходе на уровень не-идеального» [Robeyns, 2008. P. 357]. Конечно, некоторые пути перехода содержатся в концепциях Дж. Ролза, Р. Дворкина и других авторов, но чаще «идеальная» теория полагается самодостаточным эталоном, не требующим прописывания связей и переходов между идеальным и реальным мирами. Такое игнорирование конкретных условий реализации характерно для самых слабых версий идеальной теории, в этом случае ее роль сводится к созданию

некоторых моральных рамок, которые бы служили ограничениями на способы практической реализации теоретических положений.

Вторая часть возможной «защитной стратегии» идеальной теории – различение идеальной теории в целом и используемых в ней отдельных идеализаций и попытка отфильтровать «хорошие» идеализации от «плохих» [Robeyns, 2008]. В частности, в «идеальных» теориях справедливости к «плохим» можно отнести идеализации, игнорирующие определенные виды несправедливости, т. е., по большому счету, не способствующие целям создания идеальной теории в целом. К таким «плохим» идеализациям можно также отнести некоторые допущения относительно человеческой природы, например предположение о независимости людей друг от друга и о возможности автономного существования без взаимной заботы. Такая идеализация вызвала к жизни целое философское направление, «этику заботы», в качестве альтернативы «этике справедливости».

«Идеальная» теория продолжает оставаться одним из самых распространенных способов конструирования социальной реальности. Прогресс в этом направлении требует все более тонкой настройки самих идеализирующих допущений, а также включения в состав такой теории хотя бы самых общих вариантов перехода к теории не-идеальной, допускающей практические применения.

Список литературы

Вебер М. Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990.

Ломов Б.Ф. Математика и психология в изучении процессов принятия решений // Нормативные и дескриптивные модели принятия решений. М.: Наука, 1981. С. 5–21.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

Фридман М. Методология позитивной экономической науки // Thesis. 1994. № 4. С. 20–52.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1972.

Cartwright N. Nature's Capacities and their Measurement. Oxford: Clarendon Press, 2002.

O'Neill O. Bounds of Justice. Cambridge: CUP, 2016.

O'Neill O. Impartiality in Context. Grounding Justice in a Pluralist World. New York: State Univ. of New York Press, 1997.

Rawls J. Political Liberalism. Columbia Univ. Press, 1993.

Robeyns I. Ideal Theory in Theory and Practice // Social Theory and Practice. 2008. Vol. 34. No. 3. P. 341–362.

Weisberg M. Three Kinds of Idealization // Journal of Philosophy. 2007. Vol. 4. No. 12. P. 639–659.

Материал поступил в редколлегию 05.07.2018

A. A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

shev@philosophy.nsc.ru

ABSTRACTIONS AND IDEALIZATIONS IN NORMATIVE MODELS

The article explores the use of philosophical techniques of abstraction and idealization in the creation of normative theoretical models. It shows the difficulties related to distinguishing abstractions from idealizations in scientific research, as well as their common functional features, the main of which is the representation of the object under study in a form that would meet the goals and objectives of the researcher. The paper also demonstrates the ongoing popularity of ideal normative theories in the social field and explicates the problems that provoke criticism of ideal theories from various theoretical positions. It is concluded that it is necessary to strengthen such normative models by distinguishing between heuristically «good» and «bad» idealizations within the framework of the general ideal theory, and also providing methods of transition from an ideal theoretical model to the one that could be applied in practice.

Keywords: normative model, ideal theory, ideal type, abstraction, idealization, social theories.

References

Cartwright N. *Nature's Capacities and their Measurement*. Oxford, Clarendon Press, 2002.

Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [*Aspects of the Theory of Syntax*]. Moscow, Izd-vo MGU, 1972. (In Russ.)

Friedman M. Metodologiya pozitivnoi ekonomicheskoi nauki [Methodology of Positive Economics]. *Thesis*, 1994, no. 4, p. 20–52. (In Russ.)

Lomov B. F. Matematika i psikhologiya v izuchenii protsessov prinyatiya reshenii [Mathematics and Psychology in Studying Decision-Making Processes]. *Normativnye i deskriptivnye modeli prinyatiya reshenii* [Normative and Descriptive Models of Decision-Making]. Moscow, Nauka, 1981, p. 5–21. (In Russ.)

O'Neill O. *Bounds of Justice*. Cambridge, CUP, 2016.

O'Neill O. *Impartiality in Context. Grounding Justice in a Pluralist World*. New York, State Univ. of New York Press, 1997.

Rawls D. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)

Rawls J. *Political Liberalism*. Columbia Univ. Press, 1993.

Robeyns I. Ideal Theory in Theory and Practice. *Social Theory and Practice*, 2008, vol. 34, no. 3, p. 341–362.

Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990. (In Russ.)

Weisberg M. Three Kinds of Idealization. *Journal of Philosophy*, 2007, vol. 4, no. 12, p. 639–659.